KUZINA I.L.

THE PERCEPTION OF AUTHORITY BY FAR EASTERN POPULATION IN THE 30S IN THE DOCUMENTS OF CENTRAL AND LOCAL ARCHIVES

И.Л. КУЗИНА

ВОСПРИЯТИЕ НАСЕЛЕНИЕМ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В 1930-е гг. В ДОКУМЕНТАХ ЦЕНТРАЛЬНЫХ И МЕСТНЫХ АРХИВОВ

Annotation / Аннотация /

The article based on archival materials examined range of opinions and views of the population of the Far East about the authorities and political processes that took place in the country in the 30s.

В статье на основе архивных материалов рассмотрен спектр мнений и представлений населения Дальнего Востока о советской власти и происходивших в стране политических процессах в 1930-е гг.

Keywords / Ключевые слова

Archive, sources, government, society, the political mood, the population of the Far East.
Архив, источники, власть, общество, политические настроения, население Дальнего Востока.

КУЗИНА Ирина Львовна – доцент кафедры истории и архивоведения Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, кандидат исторических наук; г. Комсомольск-на-Амуре; 8-914-179-63-93; kuzina_irina@inbox.ru

Советская официальная пропаганда в 1930-е гг. с помощью различных механизмов воздействия внедряла в общественное сознание основные модели политического поведения. Газеты, литература и другая печатная продукция, кино, радио – все средства массовой информация, вся организация советской культуры были направлены на формирование необходимых для власти мнений и поведения населения.

Конец 1920–х – начало 1930–х гг. отмечены разоблачительными политическими кампаниями. На этот период выпадает время жесткой внутрипартийной борьбы. С целью «правильной» оценки происходивших в партии и стране политических процессов на местах должны были организовываться собрания и митинги. Партийные и

комсомольские работники инструктировались, как организовать обсуждение материалов политических разоблачительных процессов в организациях. Так, на авиазаводе № 126 в г. Комсомольске-на-Амуре партком и комитет комсомола создали 50 кружков, в которых состояло 2 500 человек, с целью разъяснения рабочей молодежи материалов процесса «над антисоветским троцкистским центром». В этих кружках партийный и комсомольский актив проводил беседы, доклады и читки по материалам процесса над «антисоветским троцкистским центром» . Силовые органы должны были отслеживать настроения населения и отношение его к происходящим в стране событиям. На специально организованных официальных собраниях для комсомольцев и молодежи фиксировались выступления и отмечалась степень поддержки существующему режиму со стороны молодых людей. На таких официальных собраниях люди, как правило, высказывались с одобрением политики партии и клеймили выявленных «врагов».

В спецсообщении о реагировании транспортников в связи с опубликованием прокуратурой СССР о вскрытой деятельности контрреволюционного троцкистско-зиновьевского подполья сообщалось об «огромном возмущении против подлой деятельности троцкистского охвостья» . На митингах выступавшие выражали свое возмущение и требовали физического уничтожения «кучки злейших врагов партии».

В докладной записке Хабаровского обкома ВЛКСМ об итогах обсуждения и разъяснения среди комсомольцев и молодежи материалов процесса над антисоветским троцкистским центром отмечалось: «Уже первые итоги обсуждения среди комсомольцев и молодежи материалов процесса над антисоветским троцкистским центром, которые мы получили, показывают, что комсомольцы и вся советская молодежь нашей Хабаровской области встретили приговор верховного суда над врагами партии с огромным удовлетворением и подъемом» . На митингах и собраниях комсомольцы и молодежь при обсуждении обвинительного заключения и материалов процесса требовали расстрела всех участников контрреволюционного троцкистского центра. «Стереть с лица земли подлых врагов», «никакой пощады взбесившимся фашистским псам», «раздавить гадину», «удесятерить революционную бдительность» - под такими лозунгами проходили собрания комсомольцев, молодежи, учащихся .

Партийные и комсомольские организации различных предприятий и организаций докладывали, что в процессе проработок материалов политических процессов собрания единодушно принимали решения требовать расстрела всех врагов, выявленных партией. Высказанные на подобных мероприятиях мнения и решения, однако, не следует рассматривать как адекватное отражение политических настроений населения. Конечно, нельзя утверждать, что все отклики о поддержке действий официальной власти и о ненависти к разоблаченным «врагам народа» были неискренними, хотя известны высказывания некоторых комсомольцев: «массы высказываются потому, что учат сверху, попробуй высказаться против, так сейчас же и заберут» . Подобная поддержка властей была как результатом деятельности пропагандисткой машины советского режима, так и объективными тяжелыми условиями существования дальневосточников в 1930-е гг. Люди готовы были согласиться с официальной властью, принимали ее правила игры. В трудностях винили врагов, внутренних и внешних, власть же всячески культивировала подобные представления.

После опубликования нового проекта Конституции в 1936 г., по всей стране проходили собрания, посвященные его обсуждению и люди, искренне веря в возможность улучшения своей жизни, стали вносить предложения и замечания. Дальневосточники тоже приняли участие в обсуждении Конституции. Хабаровчанами были внесены предложения, которые касались определения общественного устройства, прав и обязанностей граждан, принципов избирательной системы, всех тех вопросов, которые, как казалось их авторам, могли повлиять на жизнь и обеспечить счастливое будущее. «Советское государство - воля трудящихся социалистической страны, а правительство является исполнителем воли трудящихся Советской Социалистической республики», - такое положение хотел увидеть молодой стахановец из г. Комсомольска в Конституции, которая как ему казалось, должны была иметь силу в советском государстве. Попытка защитить свои права собственности звучала в предложении: «Личная собственность трудящегося должна быть не прикосновенная: тех личностей, которые делают посягательства на личную собственность честного труженика в советской стране приравнивать к лицам, делающих посягательство на общее государственное всенародное достояние, в таких случаях судить по статье закона об охране социалистической собственности». Это наивное предложение имело свою логику, основанную на пропагандистских утверждениях, что в стране все принадлежит трудящемуся народу.

Вестник архивиста. 2012. № 2.

Очевидно стремление людей зафиксировать в Конституции положения о подконтрольности органов власти народу: «исполнительные органы советов, как и советы депутатов в целом, регулярно раз в полгода отчитываются на собраниях избирателей», «в случае если местный совет депутатов трудящихся окажется не работоспособным, то по требованию половины избирателей могут быть назначены новые выборы», «судьи независимы, подчиняются только закону, но могут быть смещены по требованию трудящихся» .

Существующей действительностью люди не всегда были довольны. Высказывания, согласные с политикой властей, не отражали всего спектра общественных мнений. Критические высказывания не публиковались, но они существовали и отслеживались наблюдателями от партийных организаций и информаторами органов госбезопасности.

В справках, информационных записках комитетов комсомола о ходе обсуждения материалов процесса над антисоветским троцкистским центром в комсомольских организациях есть сведения о разоблачении «контрреволюционера троцкиста» Зверева, который в группе рабочих прямо выступил в защиту Троцкого, Пятакова, Каменева, Зиновьева и других. Зверев заявил: «Вот Вы все подняли руки на митинге за то, чтобы расстрелять этих людей. А я вот и не подумал поднимать руки, да и зачем. Чтобы убить этих самых дорогих, самых близких людей, которые отняли нам землю и провели всю революцию. Я знаю, что за эти слова, которые я сейчас говорю, мне могут дать 5 лет, но черт с ним, пусть, ибо они - Троцкий, Пятаков, Радек мне дороги по своему учению, говорили, что ихний путь более правильный и с таким как Сталин не соглашаются. Так вот за это их и расстреляют, т.е. партия применяет к этим людям террор» .

В связи с убийством С. М. Кирова проводились митинги, отчеты о которых позволяют судить о спектре общественных мнений молодых людей. В Спасске в первичной организации ВЛКСМ неполной средней школе № 2 ученик 7–го класса этой школы, сын высланного «профессора–вредителя» Калайтан в разговоре об убийстве Кирова заявил: «убили одного черта, надо убить и второго». Не всем ученикам понравилось подобное высказывание, и Калайтан даже был избит одним из учеников. Никто из присутствовавших тогда не донес об этом случае. В дальнейшем Калайтан продолжал высказываться в подобном духе и даже, как-то погрозив кулаком портрету Сталина, сказал, что он заслужил того же, что и Киров . По этому же поводу, слесарь завода им. т. Орджоникидзе г. Хабаровска двадцатиоднолетний Павел Баканов, выбывший из комсомола по собственному желанию, сказал: «Ну и черт с ним, что убили. Я бы их всех …. (нецензурно) за горло брал и душил». В разговоре с парторгом о комсомоле он же сказал так: «Я уже был в комсомоле и больше не хочу там состоять». На вопрос «почему?» Баканов ответил: «Там надо быть активным и топить своих же товарищей» .

Иногда события, происходившие в стране, получали ироничные комментарии молодых остряков. Так, комсорг школы совхоза «Восточный» комсомолец Агаланов по поводу убийства Кирова высказался: «убили Кирова, жалко что поздно», а после постановления правительства о присвоении ряду городов и заводов имени Кирова шутил: «Ну вот, начали переименовывать города, заводы, наверное переименуют водку и назовут ее

кировка и будут тогда говорить не напились, а накирвились» .

О сущности происходивших в верхних эшелонах власти процессов многие имели лишь смутные представления. Многочисленные высказывания, фиксируемые официальными органами, выдают неопределенность и смутность представлений молодых людей о том, что происходит в центре в высших эшелонах власти. Люди терялись в потоке новых слов, формулировок и понятий. Так слово «троцкист» стало синонимом «врага» и, став ругательным, потеряло в устах народа свое истинное значение. После митинга, посвященного обсуждению приговора суда, комсомолец Дятлов высказался: «Я не уверен в том, что и Сталин тоже не троцкист. Раньше лучше было жить, а как ликвидировали частную собственность, стало хуже. У нас все построено на насилии и на болтовне» .

Даже люди, чье дело было разъяснять населению сущность политических процессов в стране, проявляли невежество. Неудачно прозвучавшие фразы, оговорки, которые совсем не преследовали цели выступления против вождей партии или тем более самого советского строя, зачастую оборачивались для говорившего весьма печально. Часто даже одно слово, сказанное в неподходящем контексте, могло сыграть роковую роль. Один из работников обкома комсомола, будучи в Калининском районе, «разоблачил» докладчика РК ВКП (б) Буторину (секретарь РИКа), которая делала доклад, посвященный 13-й годовщине смерти В.И. Ленина и в своем докладе так сформулировала предложения: «мы имеем в истории нашей партии два типа марксистов, один тип, который учил Маркса, другой тип это ленинцы» и на вопрос работника обкома комсомола, что это за тип марксистов, которые учили Маркса? Докладчик, член ВКП (б) Буторина заявила: «В эту группу входят Аксельрод, Плеханов, Мартов и другие». Доклад она закончила словами: «Мы товарищи 13 лет живем без Ленина, но пока идем по ленинскому пути». По всей видимости, для партийных властей слово «пока» в данном контексте носило контрреволюционный оттенок. Материалы по этому делу были переданы в обком ВКП (б) .

В контрреволюционной деятельности могли обвинить не только школьника, объектом шалости которого становился портрет вождя, но и директора школы, который не придал этому случаю надлежащего значения. В Новопокровской средней школе четырнадцатилетний школьник зарядил пистолет и, целясь, выстрелил в портрет Сталина. Пионеры, находившиеся в это время в библиотеке, где стреляли, отняли у него пистолет и сообщили о произошедшем комсомольцу – зав. учебной частью. Тот немедленно сообщил об этом директору школы. По правилам того времени этот поступок директор школы должен был сразу расценить как поступок контрреволюционный и принять соответствующие меры. Но в данном случае директор просто в этот день выгнал провинившегося ученика из школы, что впоследствии партийными органами было расценено как контрреволюционная деятельность .

Портреты вождей стали объектом поклонения, покушение на которые каралось весьма строго. Символы должны были быть неприкосновенны, покушение на них отождествлялось с покушением на строй. В г. Хабаровске во время спектакля, поставленного для рабочих в клубе завода им. Молотова на глазах у зрителей были уничтожены два портрета Сталина. По ходу этой пьесы на сцене должны были быть уничтожены чертежи с возгласами: «уничтожить их надо» и комсомолец Кастелянц был обязан заранее обеспечить для сцены эти чертежи, вместо которых во время спектакля дал участникам два портрета Сталина. Игравший на сцене комсомолец разорвал портреты вместо чертежей. Комсомольская организация завода им. Молотова оценила случай как «открытое контрреволюционное выступление», исключив Кастелянца из рядов комсомола, но сделала при этом «грубую ошибку», которая была впоследствии указана Далькрайкомом ВЛКСМ, что не исключила из комсомола актера, который порвал на сцене портреты. Материалы по этому факту были переданы в органы НКВД. Вряд ли можно говорить в этом случае о преднамеренном действии с подменной плакатов. Человек скорей всего не пошел бы на подобное открытое «контрреволюционное» выступление, однако этот случай показателен, как часто казусы и недоразумения расценивались как открытая угроза политическому режиму и строго карались .

Вестник архивиста. 2012. № 2.

[redacted]

Вестник архивиста. 2012. № 2.

[redacted] here [redacted] здесь [redacted]